

Позавчера после занятий Янь Хэцин впервые увидел Лу Мучи.

По пути в общежитие дорогу ему внезапно преградил "Мерседес", въехавшая в школьный двор, будто так и надо.

Опустилось стекло — за рулём сидел мужчина лет двадцати с небольшим.

Он оглядел Янь Хэцина с головы до ног, как будто приценивался к товару.

На пассажирском сиденье сидел ещё один человек.

Янь Хэцин его знал — старшекурсник с третьего года их факультета, глава отдела по связям с общественностью, как-то приходил в их общежитие с агитацией.

“А Чи”, — угодливо сказал он: “Ну правда ведь похож?”

Мужчина рассеянно хмыкнул, не сводя глаз с Янь Хэцина.

Через некоторое время он достал сигарету, зажал в зубах, медленно произнёс: “Три миллиона в год. Будешь спать со мной — как тебе такое?”

Лицо Янь Хэцина побледнело. Хотя его кожа и без того была холодно-белой, от этих оскорбительных слов она словно побелела ещё сильнее и в этом холоде просквозила униженная безысходность.

Ему было отвратительно.

Но он понимал — перед ним человек, с которым нельзя ссориться. Тот, кто может въехать на машине в кампус, кто вызывает у других лизоблюдство, с ним нельзя конфликтовать.

“Вы обознались”.

Янь Хэцин повернулся и ушёл.

Сзади раздался лёгкий насмешливый смешок и звук щёлкающей зажигалки.

“Мы ещё встретимся”, — сказал Лу Мучи.

Сейчас это было уже второй раз.

События всё больше совпадали с описанным в романе.

Те бесчеловечные, унижительные сцены в этот миг стали невероятно реалистичными.

Это было то самое живое мучительное насилие, которое вот-вот должно было свершиться над ним.

Глаза и кожа Янь Хэцина, каждая клеточка его тела будто бы начинали болеть и чесаться.

Но он знал, что на самом деле никакого эмпатийного переноса нет. Его нынешняя боль была лишь одной десятитысячной той, что ему ещё предстояло испытать.

Невыносимые страдания и ярость захлёстывали Янь Хэцина, он понимал, что у него впереди только один путь.

И он заключался в том, чтобы разгромить их без пощады ещё до того, как они успеют навредить ему.

До того, как они нанесут ему удар, он ответит им стократно!

Янь Хэцин сжал пальцы в кулак, затем разжал ладонь, его длинные костлявые пальцы выглядели холодно-бледными.

Светло-карие глаза спокойно встретили откровенный взгляд: “Я не пойду”.

Чжао Хуэйлинь, уже соблазнённая листвой банкнот, присела и с радостью подбирала деньги, уголки её губ растянулись до глаз: “Ай-яй, Цинцин, сюда пришёл молодой господин Лу, чтобы забрать тебя, ты — а!”

Чжао Хуэйлинь взвизгнула, когда кожаная туфля проехала по тылу её руки.

Лу Мучи без изменения мимики двинулся внутрь. Подойдя к Янь Хэцину, он расстегнул одну верхнюю пуговицу рубашки, схватил Янь Хэцина за ворот рубашки и толкнул его на подоконник балкона, на лице играла беззаботная полуулыбка: “Если тебе нравится здесь, можно остаться и заниматься этим”.

Янь Шэнбинь и Янь Фэн только что вышли из комнаты и вовсе не понимали, что происходит. Янь Шэнбинь, увидел деньги на полу и не узнал в Лу Мучи знакомого, принял его за вора, сорвал тапочки, кинулся на Лу Мучи: “Чёрт возьми, ты, сука, я...”

Он только успел пошевелиться, как один из телохранителей, хорошо обученный, вошёл

снаружи и ловко провёл через плечо бросок — Янь Шэнбиня прижали к полу. Телохранитель присел и одной рукой заломал Янь Шэнбиню руки за спину, удерживая его.

Янь Шэнбинь полностью распластался на полу, лицо вжалось в поверхность, руки не могли шевельнуться. Он никогда не сталкивался с таким, завопил от боли:

“Отпусти меня! Ты, ублюдок! Отпусти... Ай-яй!”

Янь Фэн от страха оцепенел, стоял, не смея двинуться.

Чжао Хуэйлинь напрочь забыла про боль, поспешно подбежала умолять Лу Мучи: “Молодой господин Лу, пожалуйста, не надо...”

Пощёчина!

Лу Мучи резко ударил её тыльной стороной ладони — левая щека Чжао Хуэйлинь мгновенно распухла, слёзы брызнули из глаз, но она не осмелилась ни заплакать, ни пикнуть.

Что же это такое творится!

Взгляд Лу Мучи скользнул по телохранителю, в лице его читалась злость:

“Смерти захотел? Кто велел тебе за мной следовать?”

Телохранитель отвёл глаза: “Это старый господин...”

Слова Лу Мучи застряли в горле. Он снова перевёл взгляд на Янь Хэцина и сдавленно, с ненавистью, выдавил из горла: “Ну что, решил? Идёшь или остаёшься здесь?”

Лицо Янь Хэцина оставалось бесстрастным. Он достал из кармана телефон, на экране горел вызов — 110.

Прямо перед Лу Мучи он поднёс телефон к уху и спокойно произнёс: “Вы отчётливо слышали адрес?”

Лу Мучи, увидев поступок Янь Хэцина, сначала с недоверием моргнул своими тёмными глазами, затем отпустил его, отступил назад и, сложив руки на животе, расхохотался во весь голос. Он действительно счёл это очень забавным, почти со слезами на глазах.

Ему, похоже, повстречалось нечто совершенно необычное.

Лу Мучи медленно прислонился к двери балкона, небрежно скрестив длинные ноги, достал из кармана пачку сигарет, вынул одну, зажёл зажигалкой и прикурил.

“Ну что ж”, — сделал он затяжку, медленно выпустил клуб дыма: “Я посижу с тобой”.

“А они?” — он усмехнулся: “Тоже будут со мной сидеть?”

Этим он обращался к телохранителям.

Те, зная, что молодой господин в гневе, поспешили опустить голову и коротко приказали: “Вернитесь в комнату”.

И тут же отпустили Янь Шэнбиня.

Янь Шэнбинь и не думал возражать, крикнул Чжао Хуэйлинь: “Ну чего ждёшь? Помоги мне скорее вернуться в комнату!”

Голос его стал гораздо тише.

Чжао Хуэйлинь, желая побыстрее уйти отсюда, сунула найденные деньги в карман шорт для сна и бросилась к нему.

Янь Шэнбинь, как и Янь Фэн, был сильно полный, Чжао Хуэйлинь не смогла удержать его и ей пришлось позвать Янь Фэна: “Фэнфэн, помоги!”

Но Янь Фэн долго не шевелился. Чжао Хуэйлинь, встревоженная, взглянула и заметила на его штанине большое мокрое пятно.

Янь Фэн, хотя ему уже двенадцать, всё ещё не мог сдержаться и пописал.

Чжао Хуэйлинь, смирившись с этой унижительной ситуацией, всё же сжалась и ухватившись за Янь Шэнбиня, потащила его в комнату, прихватив за руку и Янь Фэна.

Телохранители так же бесшумно ретировались.

В комнате вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь щелчками зажигалки.

Входная дверь была распахнута и холодный ветер не переставая врывается в дом. Янь Хэцин стоял, не двигаясь, его болезненное тело казалось вот-вот упадёт от малейшего порыва.

Лу Мучи тоже молчал. После всей этой суматохи у него пропал прежний интерес, зато появился новый.

Он вертел в руках зажигалку, сквозь клубы дыма разглядывая Янь Хэциня.

Если приглядеться, Янь Хэцин и Линь Фэнчжи на самом деле не слишком похожи.

Линь Фэнчжи — белокожий, мягкий, такой глупыш, что страшно отпускать одного за порог. Хочется запереть его дома и самому оберегать. Он постоянно плачет, стоит только открыть кран, и всё, не остановишь. Но стоит дать конфетку и он уже улыбается. А когда улыбается, у него на щеке появляется маленькая ямочка.

А вот Янь Хэцин, черты лица яркие, вызывающие, но во взгляде холодная отстранённость. Он ни разу не улыбался, Лу Мучи даже не знал, есть ли у него ямочка.

Лу Мучи убрал зажигалку и с интересом заговорил: “Улыбнись и я сегодня тебя отпущу. Как тебе?”

Янь Хэцин сделал вид, будто не услышал.

Прошло совсем немного времени, как пришла полиция — один пожилой полицейский и один молодой.

Войдя в дом, молодой полицейский перевёл взгляд с одного на другого: “Кто вызвал полицию?”

“Я”, — ответил Янь Хэцин и направился к двери.

Но, проходя мимо, Лу Мучи схватил его за руку: “Я не люблю, когда мои вещи слишком близко к другим мужчинам”.

Он выплюнул окурок:

“Здесь и так все слышат”.

Янь Хэцин понимал, что в силе с Лу Мучи ему не сравниться, поэтому не стал зря тратить силы на сопротивление. Он лишь кивнул молодому полицейскому: “Вот он. Незаконно проник в дом ночью”.

Молодой полицейский немного растерялся и обернулся к своему более опытному напарнику.

Старший с самого начала пристально следил за Лу Мучи. Было у него ощущение, что тот ему

знаком. Он неуверенно спросил: “Как вас зовут?”

Лу Мучи остался совершенно спокоен: “Лу Мучи”.

На лице старшего полицейского промелькнуло тонкое изменение выражения.

Неудивительно, что он показался знакомым — так это же тот самый из семьи Лу...

Старший полицейский взял показания у Янь Хэциня, потом расспросил Янь Шэнбиня и Чжао Хуэйлинь. Те, разумеется, не стали вставать на сторону Янь Хэциня и с улыбкой заявили, что Лу Мучи — сын друзей семьи, пришёл в гости, а Янь Хэцин просто капризничает.

Супруги сказали это и полицейские ничего не могли поделать, провели формальное примирение и ушли.

Когда звуки стихли, а холодный ветер всё ещё врывался в дом, на лице Янь Хэциня наконец появилось выражение отчаяния.

Лу Мучи засмеялся — это выражение стоило того. Он и затеял всю эту игру только ради того, чтобы увидеть это лицо.

Лично, на глазах у Янь Хэциня, сокрушить и уничтожить его надежду — это было куда интереснее, чем просто плотская страсть и похоть.

Носком ботинка он медленно раздавил окурок на полу, усмехнулся: “А ведь мог просто согласиться. Упустил шанс”.

Больше он ничего не сказал, просто схватил Янь Хэцина и потащил прочь.

Янь Хэцин был слишком лёгким и Лу Мучи без особого труда стащил его вниз по лестнице.

Чжао Хуэйлинь и Янь Шэнбинь прятались за дверью спальни, затаив дыхание, подслушивали. Лишь когда Лу Мучи ушёл, они осмелились пошевелиться и заговорить.

Янь Шэнбинь потирал почти вывихнутую руку:

“Чёрт возьми, наконец-то свалил!”

А Чжао Хуэйлинь тут же стащила с Янь Фэна мокрые штаны, утирая льющиеся слёзы: “Хороший мой, не бойся... штаны снимем...”

Внизу, Лу Мучи открыл дверцу машины и уже собирался затолкнуть Янь Хэцина внутрь, как тот заговорил: “У меня есть одно условие”.

Взгляд Лу Мучи стал холодным.

Всё как всегда.

Таких, как Янь Хэцин, он повидал немало, полагаются на то, что ещё не заполучены, и начинают набивать себе цену.

Вся эта сцена — просто способ поднять ставку.

Тот мимолётный интерес, что Лу Мучи только начал испытывать к Янь Хэцину, мгновенно исчез.

“Говори”.

Свет уличного фонаря, падая под углом, освещал лишь одну половину лица Янь Хэцина, другая оставалась в тени, скрытая во тьме, неразличимая, непонятная.

Поздний осенний ветер был пронизывающе холодным, одежда на Янь Хэцине — тонкой, губы от холода посинели. Он медленно выговорил:

“Найди моего младшего брата”.

Янь Хэцин понимал, что сейчас жаловаться в полицию бесполезно — пока ещё ничего не случилось.

Он играл роль.

Хотел, чтобы Лу Мучи подумал, будто он испугался, сдался. А потом ударить в самую больную точку.

Лу Мучи любит Линь Фэнчжи. Это и есть его главное уязвимое место.

Янь Хэцин смотрел прямо, не мигая. Его зрачки, как стекло, холодно и отчуждённо уставились на Лу Мучи:

“У меня есть младший брат, с которым мы разлучились в детстве. Найди его и я соглашусь”.

В надменном взгляде Лу Мучи что-то дрогнуло.

Он давно уже проверил прошлое Янь Хэцина и, конечно, знал: Янь Хэцин — это старший брат-близнец Линь Фэнчжи.

Линь Фэнчжи был усыновлён в семью Линь, тяжело заболел, а после выздоровления совсем ничего не помнил — ни прошлого, ни того, что у него когда-то был родной брат.

Семья Лу и семья Линь были старыми друзьями, и Лу Мучи, будучи десятилетним мальчиком, с самого начала знал, что Линь Фэнчжи — приёмный ребёнок.

Если Линь Фэнчжи когда-нибудь вспомнит всё и узнает, что он спал с его родным братом...

Левая рука Лу Мучи, сжимающая запястье Янь Хэцина, постепенно разжалась — палец за пальцем.

Спустя мгновение он выхватил у Янь Хэцина телефон и сунул его себе в карман.

“Я подумаю. Хочешь вернуть телефон — свяжись со мной”.

Он захлопнул дверцу, обошёл машину, сел за руль и, запустив двигатель, уехал.

Было уже глубоко за полночь. В жилом комплексе стояла звенящая тишина. Спина Янь Хэцина, которой он ударился о балконную перегородку, тупо ныла от боли.

Но он будто не ощущал этой боли, обдумывал следующий шаг.

Одно и то же оружие нельзя использовать слишком часто — оно утратит силу. Нужно искать что-то сильнее.

В голове Янь Хэцина всплыл один человек.

Появлявшийся редко, но связующий всю историю от начала до конца.

Родной дядя Лу Мучи, первая любовь Линь Фэнчжи и его кумир.

Лу Линь.

<http://bllate.org/book/15726/1407417>